

Фундамент рушится

Гора, нарисованная весной, когда-то была парящей в море горой.

Мудрец каллиграфии, уединившись на ней для прорыва, постиг Искусство пространства и, усовершенствовав гору, заключил её в крохотную шкатулку.

Каждый раз, когда шкатулка открывалась, величественная гора вырывалась наружу, яростно сталкиваясь с реальным пространством и вызывая масштабные обрушения.

Гора обрушивалась с небес, обращая всё в пыль. Зрелище было жестоким и властным, лишённым всякого конфуцианского изящества.

К счастью, подобного не случалось уже много лет.

Не потому, что Мудрец каллиграфии с возрастом стал добрее и мягче, а потому, что все его могущественные враги погибли, и не осталось никого, кто заслуживал бы того, чтобы он лично взялся за дело, да ещё и применил столь ужасающее средство.

Когда ты доказал свою силу, к твоим словам начинают прислушиваться.

Мудрец каллиграфии постепенно стал самым рассудительным и чтящим ритуал великим конфуцианцем в мире. Он основал Академию «Зелёный Утёс», а затем, достигнув успеха, отошёл от дел, передав академию нынешнему ректору.

А Гора, нарисованная весной, тихо покоилась в шкатулке. Словно красавица, чья молодость ушла, она была забыта, её шёлковые одежды выцвели, а шкатулка с драгоценностями покрылась пылью.

Академия «Зелёный Утёс» насчитывала тридцать тысяч учеников в зелёных одеждах, и любой из них, у кого хватало наглости, мог называть себя «учеником Мудреца каллиграфии», но ни один не был способен по-настоящему унаследовать его учение.

Более половины учеников академии были выходцами из семей совершенствующихся, среди них хватало одарённых юношей, но того, кого он искал, не было.

Не найдя никого на светлом пути, он обратился к тёмному и открыл по четырём континентам чёрные лавки: рисовые, ломбарды, магазины косметики и прочие заведения, ведущие сомнительные дела.

Год назад в магазине косметики в городе Фэнлинь он нашёл Вэй Пина.

А теперь в ломбарде города Хуавэй он обнаружил ещё одного юношу, достойного внимания.

— Город Хуавэй, значит, — улыбнулся старик. — Кажется, нынешнее Изящное Собрание «Достичь известности» как раз там и проводится?

— Совершенно верно, — ответил ректор. — Ученики нашей академии уже прибыли в школу Хуавэй. Ранее Истинный Сюйюнь прислал своего старшего ученика с собственноручно написанным приглашением, прося вас определить победителя в Испытании каллиграфии и живописи. Но вам не понравился его почерк, и вы велели мне ехать вместо вас. — Он повернулся к остальным. — Летающая облачная башня уже готова, мы как раз сегодня собирались отправиться в школу Хуавэй, чтобы присоединиться к нашим ученикам.

— Вот как? — старик на мгновение задумался, а затем удивлённо спросил: — Мне не понравился почерк Сюйюня?

Все закивали, как болванчики.

— Я передумал! — совершенно спокойно заявил старик. — Идём, все вместе повеселимся.

Сказано — сделано. Он был готов отправиться немедленно, словно собрался на прогулку.

А то, что его внезапный визит застанет школу Хуавэй врасплох и вызовет там переполох, его не волновало.

Летающая облачная башня, подняв вихрь, взмыла в небеса и, устремившись на запад, полетела к школе Хуавэй.

Весть о том, что Мудрец каллиграфии лично посетит Изящное Собрание «Достичь известности», за один день облетела все четыре континента.

Мастера талисманов со всего мира днём и ночью спешили к подножию горы Хуавэй в надежде хоть мельком увидеть мудреца.

Раньше, слыша о подобном, Мудрец каллиграфии лишь раздражался и отмахивался, но теперь он невольно усмехнулся:

«Тот юнец, что осмелился просить мою гору, должно быть, очень взволнован, узнав, что я приеду»

«Чем он сейчас занят?»

«Наверное, тоже забыв про сон и еду, усердно рисует талисманы, чтобы привлечь моё внимание»

Сун Цяньцзи чихнул.

Он и впрямь был очень усерден, вырезая ножичком надписи на деревянных табличках.

Во дворе у многих растений уже стояли изящные маленькие таблички, воткнутые в землю, на которых было чётко написано: «баклажан», «зелёный лук», «капуста», «глициния», «девичий виноград»...

Словно давая имя каждому маленькому существу, о котором он лично заботился, он вырезал каждую табличку с особой тщательностью, штрих за штрихом, будто творил резьбу по тофу.

Куда более старательно, чем вчера ночью, когда небрежно начертал талисман в чёрной лавке.

Теперь, даже если кто-то снова «не узнает стручковую фасоль», он уже не перепутает и не назовёт её чужим именем.

Картофель был первым овощем, который он посадил, и это имело для него особое значение. Поэтому у каждого ростка картофеля стояла своя табличка: «Картошка-1», «Картошка-2», «Картошка-3»...

Бледно-фиолетовые лепестки и нежно-жёлтые сердцевинки цветков картофеля слегка подрагивали на ветру, а сочные зелёные листья касались маленьких деревянных табличек, словно здороваясь.

— Старший брат Сун! Вот сегодняшние семена! — Мэн Хэцзэ ворвался во двор, бросил три-четыре мешочка с семенами и тут же кинулся к очагу. — Пойду сварю лапшу!

Сун Цяньцзи, осторожно сдувая с кончика ножа древесную стружку, сказал:

— Ты скоро совершишь прорыв. Твоя ци нестабильна, в ближайшие дни избегай спешки.

— Старший брат заметил? — Мэн Хэцзэ немного встревожился. — Я смогу успешно совершить прорыв?

Сун Цяньцзи улыбнулся:

— Конечно.

Мэн Хэцзэ облегчённо вздохнул. Казалось, одного слова Старшего брата было достаточно, чтобы он перестал нервничать.

— Не вари лапшу, мне нужно уйти по делам.

Сун Цяньцзи закончил вырезать все таблички и отложил нож. Мэн Хэцзэ тут же подал ему влажное полотенце, чтобы тот вытер руки.

— Куда идёт Старший брат? Какое дело? Я всё сделаю за тебя.

— На озеро Яогуан, набрать немного ила для посадки лотоса. Ты мне не понадобишься.

Не считая двух грядок за воротами, в маленьком дворике Сун Цяньцзи земля была засажена овощами, на полках висели цветы, по стенам вились лианы. За исключением места для каменного стола и кресла-качалки, вся земля и небо были заняты.

К счастью, под карнизом дома, на каменных ступенях, хоть и не было земли, но оставалась пустая полоска, как раз чтобы поставить два чана с водой.

Он недавно получил мешочек семян лотоса, гладких и круглых. Замочи их на два дня — и они прорастут. Не посадить было бы жаль!

У Сун Цяньцзи чесались руки и сердце, он твёрдо решил добавить под карнизом два чана с лотосами.

Но для посадки лотоса обычная земля со двора не годилась, лучше всего подходил многолетний озёрный ил.

Мэн Хэцзэ подал ему сухое полотенце и с улыбкой сказал:

— Такая простая работа, зачем утруждать Старшего брата? Стоит мне крикнуть у ворот, и сотни, тысячи учеников с радостью исполнят твою просьбу!

— Глупости городишь, — мягко упрекнул его Сун Цяньцзи и, взяв сумку для хранения, вышел за ворота.

Земля тоже живая, он должен был выбрать её сам.

Мэн Хэцзэ последовал за ним:

— Я не глупости говорю!

И он действительно не говорил глупостей. Внешняя школа Хуавэй изменилась.

Ученики, отработав положенное, уходили, не задерживаясь ни на минуту ради лишней награды, чтобы не тратить время. Чтобы задать вопрос Сун Цяньцзи, нужно было выбирать время, не совпадающее с обедом, — никто не хотел, чтобы Старший брат Мэн выгнал их.

С появлением Сун Цяньцзи им больше не нужно было заискивать перед старейшинами Зала Обучения. Вместо прежней острой конкуренции и вражды они теперь предпочитали сотрудничать.

Им стало комфортнее, но многим другим — нет.

Первым пострадал Зал Дьяконов: никто не хотел работать сверхурочно, добыча духовных камней оказалась под угрозой. Ученикам внутренней школы тоже пришлось несладко. Раньше за мелкую подачку находились желающие бегать по их поручениям, а теперь учеников внешней школы, повидавших мир, стало не так-то просто обмануть.

Тяжелее всех пришлось старейшинам Библиотеки и Зала Обучения.

Раньше перед ними лебезили и заискивали, лишь бы получить пару советов, а теперь их никто не ублажал. Смириться с такой потерей статуса было непросто.

Все эти проблемы, собравшись воедино, легли на стол Сюйюня в виде одного вопроса: почему ученики внешней школы стали такими неуправляемыми?

Внешняя школа, хоть и казалась незначительной, была многочисленной и служила фундаментом, на котором держалась вся школа.

Если фундамент рухнет, как устоит здание?

Один из владык пиков предложил сменить учеников: выгнать всех обленившихся и тем самым искоренить дурные нравы.

Однако близилось Изящное Собрание «Достичь известности», и времени на разбирательства, а тем более на набор новых учеников, совершенно не было. Сюйюню оставалось лишь велеть всем терпеть. Терпеть до конца Собрания.

Визит Мудреца каллиграфии полностью спутал все планы школы Хуавэй.

Хотя Сюйюнь лично написал приглашение, чтобы показать своё уважение, после провала с прорывом на стадию Превращения в божество он в глубине души не хотел встречаться с этими четырьмя могущественными мастерами, чьё совершенствование превосходило его собственное.

Не приедет Мудрец — он рад. Приедет — придётся смириться.

В школе Хуавэй было бесчисленное множество дворцов и павильонов. За три дня до начала Собрания все приглашённые школы и кланы уже разместились.

Ученики Академии «Зелёный Утёс» остановились в Павильоне Соснового Леса — месте изысканном и утончённом, и были очень довольны.

Но Мудрецу каллиграфии, как почётному гостю, полагался самый большой и роскошный гостевой дворец.

Сейчас там жили настоятель Храма Красных Листьев со своими учениками. Монахи — люди сострадательные и сговорчивые, сказали переехать — переехали.

А вот другим школам, которым пришлось освободить место для монахов, это не понравилось. Уговоры Юань Цинши и Чэнь Хунчжу не помогли, увещевания нескольких владык пиков тоже. В конце концов, ему пришлось вмешаться лично, чтобы всё уладить.

Сюйюнь был готов поселить Мудреца каллиграфии прямо во Дворце Цянькунь, а самому перебраться на Мост Уходящей Воды у ворот.

Наконец, репетиция церемонии встречи Мудреца каллиграфии закончилась. Сюйюнь сел, закрыл глаза и попытался успокоить дыхание.

Но тут неожиданно явился настоятель Обители Пурпурных Облаков, Истинный Цинвэй.

Сердце Сюйюня пропустило удар. У него возникло дурное предчувствие.

Очень знакомое чувство.

В прошлый раз такое предчувствие возникло перед тем, как тот юнец из внешней школы произнёс во Дворце Цянькунь имя того человека.

Истинный Цинвэй, облачённый в пурпурное даосское одеяние, легко взмахнул своей метёлкой из конского хвоста и радостно провозгласил:

— Боевой дядя только что прислал весть! Хорошие новости!

Сюйюнь, силой заставив себя сохранять спокойствие, погладил бороду и улыбнулся:

— Тогда поздравляю старца Демона ци. Как его здоровье в последнее время?

— Прекрасно, конечно. Боевой дядя вчера вдруг почувствовал, что на этом Собрании у него может появиться шанс найти ученика. Он прибудет завтра и просил не беспокоиться, всё сделать как можно проще.

— ...

Сюйюню больше не хотелось жить на Мосту Уходящей Воды. Ему хотелось с него спрыгнуть.

— Ха-ха, интересно, какому счастливицу достанется наследие Демона ци. Воистину, судьбой предначертано, — он услышал свой дрожащий голос.

Лучи закатного солнца рассыпались по поверхности озера, превращаясь в мириады золотых искр.

На озере только-только появились молодые листья лотоса, ещё не успевшие разрастись. Каменный павильон в центре озера одиноко стоял, отражаясь в воде.

Это было одно из живописных мест школы Хуавэй, и сейчас на берегу было шумно. Множество молодых совершенствующихся гуляли и смеялись.

Они были одеты в разноцветные одеяния разных школ, среди них были и юноши, и девушки.

Сун Цяньци и Мэн Хэцзэ проходили сквозь толпу.

Оба в серых одеждах учеников внешней школы, они походили на двух невзрачных уток.

Вдруг раздался смешок:

— Школа Хуавэй и впрямь величественна, даже ученики внешней школы могут позволить себе прогулки у озера!

<http://bllate.org/book/16982/1586696>